

Э. В. Будаев
Екатеринбург, Россия
О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия
Е. А. Нахимова
А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

МЕТОДИКА ДИАХРОНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

АННОТАЦИЯ. Обзор методологии и методик диахронического исследования политической метафорологии. Выделяются ведущие научные школы и направления в области исторического изучения российской политической метафорологии и ее взаимодействия с зарубежным опытом изучения политических метафор. Анализ дискуссий о соотношении стабильности и инноваций в политической метафоре, о периодах метафорических бурь и метафорического затишья в политической коммуникации. Дифференцируются публикации, в которых объектом диахронического исследования становится: 1) политический дискурс отдельного государства за все время его существования либо за определенный исторический период; 2) фрагмент политической действительности (образ, событие, персонаж) и репрезентирующие его в разные периоды метафоры; 3) метафорическая модель и ее функционирование в политической коммуникации на разных этапах; 4) идиостиль политика, эволюция его метафорического инструментария. Выделение основных этапов в рамках диахронического исследования метафорологии и соответствующих им методик исследования с учетом различий между когнитивно-дискурсивным, риторическим, семиотическим, психолингвистическим, лингвокультурологическим и иными научными подходами к диахроническому изучению метафор. В заключение отмечается, что комплексное рассмотрение эволюции метафорических моделей (в политическом дискурсе, в рамках определенных жанров, в речи отдельных политиков и др.) станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей национального миромоделирования на разных исторических этапах его развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические метафоры; диахроническое исследование; метафорические модели; эволюция метафор; политическая метафорология; политический дискурс; метафорическое моделирование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6309; e-mail: kondr25@rambler.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: nakhimova@gmail.com.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Исследование истории метафорических систем — одно из интенсивно развивающихся направлений современной политической метафорологии. Специалисты стремятся проанализировать специфику проявления тенденций к исторической стабильности и обновлению, к национальной самобытности и взаимодействию с иными культурами на разных этапах развития систем политических метафор.

За последние десятилетия в нашей стране подготовлено множество исследований, посвященных разноаспектному описанию политической метафоры на различных синхронных срезах — досоветском (начиная с древнерусского) [Балашова 1998; Балашова 2014; Кондратьева 2014; Солопова 2015 и др.], советском [Быкова 2014; Нахимова 2011], постсоветском [Баранов, Караулов 1994; Будаев 2007; Чудинов 2001], современном [Будаев, Чудинов 2008; Солопова 2015; Чудинов 2013 и др.]. Подобные иссле-

дования позволяют воссоздать особенности мировидения определенной нации в минувшие эпохи, однако не дают (да и не ставят перед собой цели) показать трансформацию исходной политической картины мира в современную, проследить эволюцию политической метафорической системы [Аникин, Будаев, Чудинов 2015а; Аникин, Будаев, Чудинов 2015b].

В подобных исследованиях важно учитывать предложенный Э. В. Будаевым тезис о необходимости разграничивать собственно диахронический анализ и анализ ретроспективный, направленный на изучение явлений, характерных в определенный исторический период. Анализ материала минувших эпох в определенный временной период (ретроспекция) — это, по сути, «синхрония, опрокинутая в прошлое», поскольку синхронический и ретроспективный подходы основаны исключительно на изучении нетемпоральных закономерностей, первый — в современно-

сти, второй — в истории, в то время как противопоставленный им по своей сущности «диахронический анализ нацелен прежде всего на фиксацию темпоральных изменений или констатацию отсутствия таковых в изучаемых явлениях» [Будаев 2011: 142].

Несомненно, что именно диахронический подход к анализу материала, основанный на сопоставлении данных разных эпох, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, так как позволяет проследить эволюцию национального мировидения и воплощающих его языковых средств, дает возможность установить специфику каждого этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, политики и культуры.

Исследование диахронического развития политической метафоры, первоначально представляющее собой группу единичных разрозненных наблюдений, существенно отличающихся по целям и методике, на данном этапе постепенно превращается в одно из интенсивно развивающихся направлений науки, находящееся на пересечении сравнительно-исторического языкознания, когнитивистики и политологии.

Постепенно формируется понятийно-терминологический аппарат политической метафорологии. В публикациях А. П. Чудинова обосновано введение термина «доминантная метафорическая модель», дано его определение и сформулированы закономерности в истории политической метафорики [Чудинов 2001, 2013, 2015 и др.]. Здесь же охарактеризовано чередование периодов интенсивного развития («метафорические бури») и периодов относительной стабильности («метафорические штили»).

В монографии Э. В. Будаева охарактеризован зарубежный опыт ретроспективных и диахронических исследований политической метафорики, охарактеризованы методики сопоставления метафорики различных дискурсов и предложены методики равномерной и фокусной фрагментации, а также фрагментации с комбинированным шагом [Будаев 2011]. Л. В. Балашова и О. Н. Кондратьева предложили фундаментальные описания эволюции социально-политической метафорики от древнерусского периода к современности, тем самым представив современную политическую метафору как закономерный этап в ее тысячелетней истории [Балашова 1998; Балашова 2014; Кондратьева 2014].

Современные диахронические исследования политической метафорики в наиболее общем виде направлены на рассмотрение взаимодействия тенденций к исторической стабильности и исторической динамике,

к сохранению культурной самобытности и к взаимодействию с другими культурами. Многочисленные факты, свидетельствующие об *архетипичности* систем политических метафор, дополняются материалами, свидетельствующими о значительной *вариативности* политических метафор.

Тенденция к стабильности проявляется в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, которое не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Согласно такой точке зрения, и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры весьма похожи по сферам-источникам и сферам-мишеням, поскольку люди есть люди и ведущие черты их мышления весьма похожи.

С этой точки зрения привлекают внимание публикации Е. А. Нахимовой, в которых рассматривается, помимо прочего, историческая динамика прецедентных онимов, в том числе разграничиваются окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы [Нахимова 2011; Нахимова 2012]. Так, с давних времен в русской политической коммуникации существует традиция метафорически использовать имена собственные. Показательны следующие строки М. В. Ломоносова из «Оды на день восшествия Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны...»:

*Дерзайте ныне ободрены
Реченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

В этом художественно-политическом тексте имена древнегреческого философа и британского физика метафорически используются для обозначения выдающегося ученого и — шире — великого человека. Как показывают наши материалы, имена Платона и Ньютона активно используются и в современной политической коммуникации, но в отечественной коммуникации в этой же функции используются и другие прецедентные метафоры, в том числе и имя автора процитированной оды. Ср.: *А кто поможет Мишке Ломоносову из архангельской глубинки? Кто оплатит его дорогу в Москву?* (В. Костиков — АиФ, 2015, № 42). *Кто „одевает“ новых Ломоносовых? Что заставляет наших ученых покидать страну в поисках работы за рубежом? Что делать? Готовиться к тому, что новые Зворыкины и Сикорские будут работать на США, или попытаться вернуть умы?* (А. Кавокин. — АиФ, 2014, № 45). *России нужны новые Ку-*

либины. Если вспомним исторического Ивана Кулибина, то ведь он заведовал механической мастерской в Петербургской академии наук. Под его руководством подмастерья творили чудеса (В. Козлов, АиФ, 2012, № 35). *Капицы в погонах. Этим солдатам разрешается умничать даже в строю* (А. Хохлов — Комсомольская правда, 26.11.2014).

Представленный материал ярко отражает общие закономерности: с одной стороны, стабильность использования модели «Имя (фамилия) конкретного выдающегося ученого — обозначение других ученых с аналогичными научными достижениями», а с другой — постоянные инновации в смысловом наполнении, которое отражает изменения в обществе и социальном восприятии тех или иных людей, событий, ситуаций.

Подобные примеры легко обнаруживаются и в других сферах-источниках метафорической экспансии (искусство, политика, военное дело, образование, ораторика, медицина) [Нахимова 2007, 2011, 2012], причем изменяются не только имена, но и оценки соответствующих людей.

Значительный интерес представляет **дискуссия о причинах стабильности и инноваций**. Среди причин существования в разных культурах однотипных метафор специалисты называют устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения последовательно проводилась Майклом Осборном и его единомышленниками в теории архетипичных метафор [Osborn 1967; Osborn 1977]. М. Осборн в основном опирался на методологию бихевиоризма, хотя в принципе подобные выводы могут находить методологическое основание в разных теориях (структурализм В. Я. Проппа, историческая поэтика А. Н. Веселовского, аналитическая психология К. Г. Юнга, экспериенциальный реализм и теория «телесного разума» Дж. Лакоффа и М. Джонсона).

Взаимодействие тенденций к стабильности и вариативности национальных метафорических систем проявляется, в частности, в том, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются едва ли не во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность, на появление новых вариантов и углубление аллюзивного потенциала. В частности, Майкл Осборн, изучив десятки политических выступлений XIX—XX вв., обнаружил, что технический прогресс может уменьшать распространенность традиционных метафор. Например, в XX в. резко со-

кратилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX в. речные и океанские метафоры были очень распространены [Osborn 1977]. Яркой чертой нашего времени стала экспансия компьютерной (по сфере-источнику) метафористики, которая, с одной стороны, тесно связана с традиционной сферой-источником «Техника», а с другой — отличается принципиально новыми направлениями развития метафорических смыслов.

Когнитивная концепция стабильности и инноваций в политической метафорике получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром [Lakoff, Johnson 1980]. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей homo sapiens, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем при критике теории концептуальной метафоры необходимо учитывать, что, согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и объясняет причины диахронической вариативности политической метафористики.

Для когнитивной теории политической метафоры важны публикации Дж. Лакоффа, посвященные первой и второй войне в Персидском заливе [Lakoff 1991; Lakoff 2003]. Здесь автор, с одной стороны, демонстрирует однотипность многих метафорических образов, а с другой — выделяет новые метафорические модели. Исследователь детально характеризует метафорические системы, служащие для оправдания участия США в военных действиях против Ирака и метафорические способы дискредитации президента Саддама Хусейна.

Для нашего исследования особую значимость имеет вопрос об исторической динамике российских (советских) политических метафор. Уже в первых отечественных публикациях по этой проблеме было отмечено, что в сталинскую эпоху доминировали метафоры войны и механизма, во времена Л. И. Брежнева максимально активизировались метафоры родства, а domestic и строительные метафоры — отличительный признак эпохи перестройки [Баранов, Караулов 1991, 1994]. Соответственно метафоры из сфер-источников «Театр», «Секс», «Криминал», «Монархия» — яркая примета пери-

ода президентства Бориса Ельцина [Чудинов 2001, 2003].

В последние годы проблемы исторического развития политических метафор активно изучают представители Уральской лингвистической школы [Alekseeva, Mishlanova, Nakhimova, Tchudinov 2014; Аникин, Будаев, Чудинов 2015a, 2015b]. Авторами рассмотрены тенденции к стабильности и инновациям в истории российских политических метафор, сопоставлены отечественные и зарубежные методики изучения истории политических метафор, охарактеризован вклад российских ученых в теорию и методику исследования политической метафористики, развитие теории и практики исторической метафорологии. Сделан вывод об арсенале современных российских политических метафор как сложной системе, ставшей итогом многовекового развития, как результате взаимодействия тенденций к стабильности и инновациям, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами.

Разделение периода времени на определенные сегменты при диахронических исследованиях политической коммуникации может быть равномерным и фокусным. При *равномерной фрагментации* временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафористики. Особый интерес представляют сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации. При *фокусной фрагментации* разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании [Будаев 2011].

Также в работе Э. В. Будаева был сделан вывод, что диахроническая вариативность системы политических метафор имеет два показателя: количественный и качественный. Первый показатель выражается в корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Второй связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафористики) [Будаев, 2011].

В публикациях О. А. Солоповой рассмотрены общие закономерности и национальные особенности метафорического моделирования будущего России в российских, британских и американских СМИ с середины

XIX до начала XXI в. [Солопова 2011, 2013, 2014]. В процессе исследования разработана и реализована на практике новая методика диахронического сопоставительного когнитивно-дискурсивного исследования образных и иных стилистических средств, направленных на презентацию будущего в политическом дискурсе. Указанная методика включает внутридискурсное и междискурсное сопоставление синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической/динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и диахронии) и метафорического сценария (статического/динамического). Три уровня модели обеспечивают одновременную преобладность и изменяемость концептуализации будущего.

В исследовании О. А. Солоповой убедительно доказано, что ретроспективные модели «Будущее России» середины XIX — начала XX в. в политических дискурсах России, США и Великобритании демонстрируют высокую степень тождественности на уровне статических матриц. Об этом свидетельствует преобладание контекстов параметра «внешняя политика», идентичное распределение подпараметров «внешней политики» по шкале частотности в дискурсах трех стран, распределение подмножеств «внутренней политики» в дискурсах России и США. Для систем метафорических моделей характерно преобладание неметафорической вербализации вероятного развития событий над образной; совпадение доминантных метафор «пути» и «болезни» в трех дискурсах, криминальных и зооморфных образов в англоязычных дискурсах. На уровне метафорических сценариев для фрейма «Участники» типично слияние образов царя, монархии, правительства в англоязычных дискурсах, дискретная концептуализация отношений России с США и странами Западной Европы в трех дискурсах; однотипная наполненность слота «Темпоральная локализация» в трех дискурсах, «Пространственная локализация» в дискурсах США и Великобритании, доминирование «светлого будущего» в рамках российского и американского фреймов «Последствия». Модель будущего «глазами прошлого» представляет собой продолжение основных, наиболее значимых линий в грядущее, представление о целях народного развития, об историческом пути страны, об уверенности или сомнениях в ее будущем существовании.

Установлены и объяснены междискурсные сходства синхронных моделей «Будущее России» начала XXI в. в политических дискурсах трех стран: на уровне статических

матриц — преобладание контекстов параметра «внутренняя политика» над «внешней политикой», однотипное наполнение базовых параметров в англоязычных дискурсах. Для уровня систем метафорических моделей типично преобладание метафорических контекстов над неметафорическими, совпадение двух доминантных моделей — пути и неживой природы — в анализируемых дискурсах, пяти доминантных моделей в политических дискурсах России и США — пути, болезни, неживой природы, монархии и животного мира. Междискурсные сходства зафиксированы на уровне метафорических сценариев: в рамках фрейма «Участники» — слияние образов правителя и страны, моделирование образа национального лидера как активного творца будущего России. О. А. Солопова обнаружила также диахронические межмодельные сходства на уровне систем метафорических моделей — совпадение четырех доминантных моделей в политических дискурсах России, США и Великобритании середины XIX — начала XX в. и начала XXI в.: метафор пути, болезни, неживой природы и животного мира.

В исследованиях О. Н. Кондратьевой была предложена методика диахронического анализа метафоры в отдельно взятой лингвокультуре, описаны основные факторы (экстралингвистические и лингвистические), влияющие на возникновение и эволюцию метафорических моделей, и продемонстрирована зависимость метафорических моделей от эпохи, типа культуры и вида дискурса [Кондратьева 2014]. В статьях, посвященных истории метафор в политическом дискурсе, О. Н. Кондратьева отмечает, что в древнерусских текстах при описании политических реалий наиболее активно использовались метафоры с концептуальными векторами агрессивности и отклонения от естественного положения вещей. Например, Иван Грозный и Андрей Курбский для характеристики своих политических оппонентов используют три группы метафор с ярко выраженным негативным потенциалом: «политический противник — это животное», «политический противник — это отродье дьявола» и «политический противник — это больной человек» [Кондратьева 2003; Кондратьева 2012 и др.].

Обращение к древнерусскому материалу при анализе политической метафоры позволило автору установить специфические особенности данной языковой эпохи. В частности, в процессе развития общества произошло изменение фокуса метафорической проекции: если в современном мире объектом метафорического моделирования является преимущественно внешний облик поли-

тика, его поведенческие реакции и принятые политические решения, то для древнерусских авторов более важными оказывались нравственно-этические характеристики государственного деятеля — именно они подвергались метафорическому осмыслению, становились критерием его соответствия образу идеального правителя.

Также в работах О. Н. Кондратьевой выявлены и описаны метафоры, зародившиеся в новейшем политическом дискурсе России и Украины, дискурсе XX—XXI вв. Наиболее ярким маркером в этом отношении является компьютерная метафора, посредством которой политика предстает как компьютер, работающий с определенными отклонениями, зависающий, требующий перезагрузки и реформатирования, а субъекты политической деятельности — либо как неумелые пользователи, либо как хакеры, действующие в обход принятых законов и наносящие серьезный ущерб операционной системе государственного компьютера [Кондратьева 2014].

Интересные примеры соотношения стабильности метафорических моделей и постоянного обновления конкретных метафорических образов представлены в исследованиях Р. Д. Керимова. Анализ современных немецких политических метафор свидетельствует, с одной стороны, об активном использовании традиционной для Германии военной модели, а с другой — позволяет убедиться, что арсенал конкретных образов связан с различными эпохами. В частности, современные немецкие политики активно обращаются к образам, восходящим к Средневековью, ко временам короля Фридриха, к опыту сражений с Наполеоном, ко временам канцлера Бисмарка, к войнам первой половины прошлого века и боевым действиям во Вьетнаме, Югославии, Ираке и Ливии [Керимов 2012, 2013]. Стабильность модели и вариативность конкретных образов — характерное свойство политической метафоры.

Своего рода энциклопедией истории русской метафоры стала обобщающая монография «Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв.» [Балашова 2014]. Для нашего обзора особенно важна третья глава, где представлено авторское видение принципов диахронического исследования метафоры. В поисках истоков современной теории Л. В. Балашова обращается к созданным еще в конце XIX в. трудам Н. В. Крушевского, который сформулировал закон «соответствия мира слов миру мыслей» и доказал, что изменения значений слов во многом зависят от динамики «наших представлений о реальной действительности». Важны для исторической метафоро-

гии идеи М. М. Покровского, который на рубеже XIX и XX вв. неоднократно подчеркивал системный характер развития словесной семантики. Вместе с тем Л. В. Балашова справедливо отмечает взаимодействие «системных и асистемных тенденций как в синхронном состоянии языка, так и в его развитии» [Балашова 2014: 43]. Исследователь подчеркивает «необходимость учитывать особенности культуры народа, реалии, сопровождающие носителей языка», а также взаимодействие языческой и христианской культуры, славянских и византийских традиций метафоротворчества [Там же: 46].

Процедура диахронического анализа во многом зависит от аспекта изучения метафорической динамики. Рассмотрим типичные аспекты диахронического исследования политических метафор.

1. Исследование исторической динамики метафорических моделей в политическом дискурсе отдельного государства. В связи с объемностью объекта исследования подобные проекты, как правило, имеют обзорный характер и представляют собой сопоставительный анализ ряда работ, посвященных описанию политической метафорики в определенные периоды истории государства. Например, в результате сопоставительного анализа работ, посвященных описанию метафорики различных периодов существования Российского государства, стал возможным вывод об изменении доминантных метафорических моделей в XX столетии. В частности, как уже было отмечено выше, в советскую тоталитарную эпоху доминировали милитарные метафоры, в эпоху застоя — метафоры родства, в период перестройки — архитектурные метафоры, а конец столетия ознаменовался доминированием театральных, сексуальных и криминальных метафор [Баранов 1991; Будаев 2011; Каслова 2003; Чудинов 2001; Budaev, Chudinov 2015]. Подобный анализ дает возможность показать, что в разные исторические периоды существовали разные концепции политики, что находило свое выражение и в доминирующих метафорических стратегиях, которые в значительной степени определяются господствующей идеологией и духом эпохи.

2. Исследование отдельных фрагментов политической действительности (образ, событие, ситуация) и репрезентирующие его в разные периоды метафоры. Соответственно, при таком подходе константой является сфера-мишень, в динамическом аспекте рассматриваются задействованные для ее репрезентации сферы-источники. Наиболее активно в подобном

аспекте описывается образ родной страны и образы ее будущего и прошлого (см., например, работы А. А. Пшенкина, Т. В. Быковой, О. А. Солоповой).

В диссертации А. А. Пшенкина рассмотрены закономерности метафорического представления **образа СССР и России** в американском политическом дискурсе со второй половины XX в. до начала нового столетия. Автор выделяет *два основных исторических периода — советский и постсоветский*. Данное исследование ярко демонстрирует, что при создании образа если не друга, то хотя бы партнера используются совсем иные метафоры, чем образы, которыми пользовались при характеристике «империи зла»: это касается не только репертуара моделей, но и конкретных фреймов, слотов и концептов. Вместе с тем автор показывает, что многие способы метафорического представления остаются стабильными и стереотипы в американском политическом дискурсе изменяются крайне медленно [Пшенкин 2006]. Различия нередко касаются даже не самих метафор, а их прагматического потенциала. Так, метафоры со сферой-источником «бизнес» обычно несут позитивную эмоциональную окраску, для американцев относиться к политике как к бизнесу — это значит относиться к ней максимально серьезно. В России образы «торгашей и спекулянтов» обычно призваны возбудить негативные эмоции, русские предпочитают говорить о принципах, о высокой морали и справедливости [Пшенкин 2006; Чудинов 2003а].

В диссертации и статьях Т. В. Быковой проанализирован метафорический **образ СССР** в советском и американском медийных политических дискурсах эпохи сталинизма с начала тридцатых по начало пятидесятых годов [Быкова 2011; Быкова 2014; Быкова 2014а]. На основе тщательного статистического анализа автор выделяет доминантные для названной эпохи метафорические модели советского дискурса (сферы-источники «Война», «Механизм», «Человеческий организм», «Родство»), а затем описывает существенные особенности советской метафорики *трех периодов — предвоенного, военного и послевоенного*. В частности, обнаружено, что в довоенный период доминантными источниками сферами выступали мир вещей и мир живой/неживой природы, затем все более активно стали использоваться образы, восходящие к миру человека, а в послевоенный период активизировались военная сфера и сфера родства.

В диссертации и публикациях О. А. Солоповой сопоставлено метафорическое моделирование **будущего родной страны**

(Советского Союза и России) в российских, британских и американских СМИ с середины XIX до начала XXI в. [Солопова 2011, 2012, 2016]. Автор сопоставляет два периода — XIX в. (1855—1881) и XXI в. (2000—2014), используя методику внутрискурсного и междискурсного сопоставления синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической/динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и диахронии) и метафорического сценария (статического/динамического). Три уровня модели обеспечивают одновременную преемственность и изменимость концептуализации будущего.

Интерес исследователей вызывает не только эволюция метафорических моделей, репрезентирующих образ страны, но и моделей, репрезентирующих образ политика в разные эпохи. Например, при создании образа современного политика метафоры используются преимущественно для описания его внешнего облика, манеры поведения, принятых политических решений, результатов его политических преобразований и т. д. (см. подробнее: [Иванова 2004; Лапшина 2014, Цицулина 2010] и др.), в то время как в древнерусских текстах прежде всего представлена метафорическая характеристика внутреннего мира политического персонажа, его души, сердца, ума и совести. Аргументами в споре политических противников в борьбе за власть становятся не столько политические программы и идеология, сколько нравственный облик политика, его моральные качества, совершенство/несовершенство его внутреннего мира, его соответствие нравственно-религиозным нормам того времени. Данная особенность объясняется религиозным характером древнерусской культуры, ее особым вниманием к внутренней сущности человека [Кондратьева 2011].

3. Изучение эволюции отдельной метафорической модели и специфики ее функционирования в различные временные периоды. Если в предыдущем случае акцент сделан на сфере-мишени, то при данном подходе акцент делается на сфере-источнике метафорической экспансии, репрезентирующей политическую действительность. Так, А. Мусолфф [Musolff 2000] прослеживает «эволюцию» *архитектурной метафоры* («Европа — это дом / СТРОЕНИЕ») за последнее десятилетие XX в. на материале английских и немецких газет. Автор выделяет два периода в развитии domestic-метафоры. 1989—1997 гг. — это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились стол-*

бы. По мере роста противоречий в 1997—2001 гг. начинают доминировать скептические или пессимистические метафоры: в евродоме начинается *реконструкция, на строительной площадке царит хаос*, иногда евродом даже превращается в *горящее здание без пожарного выхода*. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы — *оккупанты евродома* или *рабочие*, считающие себя *архитекторами*).

Эволюция метафорических моделей с исходной сферой **«Неживая природа»** представлена в диссертации Н. М. Чудаковой, убедительно показавшей, что существенные изменения в экономической, политической и культурной жизни страны закономерно приводят к обновлению метафор данной сферы. Так, в 70-е гг. (период антагонистических отношений между социалистическим и капиталистическим лагерями, состояния «холодной войны», войны в Афганистане) в подобных метафорах прослеживалась отчетливая градация образов по признаку «свой — чужой». В начале 90-х гг. (августовский путч, распад СССР, подавление оппозиции в Москве) природные метафоры имели ярко выраженный негативный характер. В начале XXI в. появилась тенденция к увеличению доли позитивно окрашенных природных метафор (*русло, река, движение по дороге, атмосфера* и др.), что, по мнению автора, связано с повышенным вниманием к традиционным, фундаментальным ценностям русского народа [Чудакова 2005].

В исследовании Э. В. Будаева [Будаев 2010, 2011] представлен анализ морбиальной метафоры в политическом дискурсе XXI в. Анализ выполнялся с помощью методики равномерной фрагментации дискурса с комбинированным шагом. При таком подходе на первом этапе исследования сопоставлялась частотность метафор болезни по годам, на втором — по сезонам. Анализ метафор болезни в корпусе из 67 200 текстов российских СМИ показал, что уровень морбиальной метафоры планомерно снижался в 2000—2006 гг., а в 2007 г. в преддверии мирового экономического кризиса наметился небольшой рост. Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы первого президентства В. В. Путина. Если в конце XX в. метафорическая модель «Современная Россия — это больной организм» относилась к доминант-

ным метафорическим моделям [Будаев 2010], то в начале нового столетия наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации.

На втором этапе исследования использовался шаг фрагментации, равный сезону (трем месяцам), что позволило обнаружить другую закономерность. Колебание частотности метафор болезни в российских СМИ имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний приходится на летние месяцы. Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о холодном времени года как о периоде болезней, ослабления организма, в то время как лето обычно ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса. Таким образом, использование равномерной фрагментации с комбинированным шагом показало, что динамика метафорических систем коррелирует с многочисленными когнитивными и дискурсивными факторами.

4. Изучение идиостиля политика, в том числе эволюции его метафорического инструментария. Исследования подобного типа имеют лингвоперсонологический характер, при этом акцент делается не просто на рассмотрении основных языковых особенностей (в том числе и метафорических) конкретного политического деятеля, но непосредственно на анализе его языковой эволюции, анализе метафор, доминирующих на каждом этапе его политической карьеры, выявлении причин, которые привели к изменению в метафорическом инструментарии политического деятеля.

Подобный ракурс изучения позволяет установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, а также для описания политической ситуации в стране и воздействия на избирателей в каждый конкретный период, т. е. даст возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика.

В работе М. В. Никифоровой и А. П. Чудинова объектом исследования становится дискурс Е. Ройзмана в двух политических ситуациях: в первой Е. Ройзман выступал в роли кандидата на должность мэра Екатеринбурга, а во второй — в роли действующего мэра города. В результате сделан вывод, что основополагающим критерием размежевания на «своих» и «чужих» в индиви-

дуальном дискурсе рассматриваемого регионального политика является территориальный признак, основанный на социокультурной идентичности/инородности. В речи Е. Ройзмана базовая оппозиция «свои — чужие» регулярно трансформируется в частную оппозицию «жители Екатеринбурга — прибывшие (присланные) из Тюмени (Тюменской области) чиновники». Использование указанной оппозиции позволяет Е. Ройзмину представить своих политических противников (и прежде всего губернатора Е. Куйвашева) в качестве «чужих» для жителей Екатеринбурга и — шире — Свердловской области. Отмечены значительные различия при отнесении политических субъектов к числу «своих» и «чужих», с одной стороны, в период избирательной кампании, а с другой — в период работы на посту мэра.

В публикациях О. Н. Кондратьевой и К. А. Ковалевой анализируется динамика метафорических моделей в выступлениях Юлии Тимошенко за период 2010—2016 гг. Установлено, что при существенном метафорическом разнообразии идиостиля Юлии Тимошенко в каждый период ее политической карьеры доминирует определенная метафорическая модель, что напрямую вытекает из политической ситуации и тех идеологических установок, которыми политик руководствуется в своей деятельности, из тех целей, которых он стремится достичь.

В частности, во время первого участия в президентских выборах в выступлениях Юлии Тимошенко доминировали милитарные и, отчасти, спортивные метафоры, демонстрирующие стремление к победе, в период судебного процесса — театральные метафоры, актуализирующие фальшивость происходящего, постановочный характер процесса, его нелегитимность, в период баллотирования в президенты в 2014 г. активизируются криминальные метафоры, демонстрирующие несовершенство политической деятельности оппонентов и тревожную ситуацию в стране, с 2015 г. снова наблюдается всплеск милитарной метафорики, являющийся отражением военного и политического конфликта в стране.

Приведенный анализ разнообразных аспектов диахронических исследований политической метафорики демонстрирует, что изучение динамики метафорических моделей является областью, требующей исследовательского внимания. Комплексное диахроническое исследование эволюции метафорических моделей в политическом дискурсе станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей ми-

ромоделирования русской нации на разных этапах ее развития.

Исследование метафорической динамики, как правило, включает следующие этапы.

I. Периодизация материала. Любой исследователь начинает свою работу со следующих действий: 1) определение временного отрезка, который будет подвергнут анализу; 2) выбор типа фрагментации политического дискурса и формулировка критерия фрагментации; 3) выделение этапов и их характеристика.

Диахроническое изучение материала «всегда связано с сопоставлением по крайней мере двух последовательных стадий (синхронных срезов) в системе языка» [Кубрякова 1998: 136], поэтому исследование динамики метафорических моделей в политической коммуникации традиционно начинается с вычленения периодов (сегментов, фрагментов), которые будут подвергнуты анализу и сопоставлению.

Различные способы вычленения периодов (фрагментации) применительно к политическому дискурсу сформулированы Э. В. Будаевым. В частности, введены понятия *равномерной* и *фокусной* фрагментации: при равномерной фрагментации «временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации», при фокусной фрагментации «разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании» [Будаев 2011: 142—143].

Более продуктивной нам представляется фокусная фрагментация, позволяющая показать взаимосвязь политических событий и описывающей их метафорики. При этом в качестве критерия фокусной фрагментации могут избираться как политические события, значимые для всей страны (например, президентские выборы и последующий период президентского правления, выборы в Думу и работа избранного органа власти и т. д.), так и события, непосредственно определяющие политическую карьеру определенного политического персонажа.

Первый подход позволяет выделить равновеликие отрезки, например, от выборов до выборов (как правило, 4—5 лет), при втором подходе размеры периодов могут колебаться, так как в политической деятельности персонажа присутствуют периоды взлетов и падений, периоды активной деятельности и временного ухода с политической арены, и, как следствие, наблюдаются «метафорические бури и затишья».

Кроме того, в рамках первого подхода акцент делается на взаимосвязи судьбы

страны и политической метафорики, второй подход сосредоточен на взаимосвязи этапов политической карьеры и метафорического инструментария политического персонажа, т. е. представляет собой более персонализированный вариант анализа.

Перспективным способом членения материала является также равномерная фрагментация с комбинированным шагом. При таком подходе применяется разный шаг фрагментации к одному и тому же материалу, а затем сопоставляются результаты исследований и делаются выводы не только об особенностях диахронического функционирования политической метафорики, но и о достоинствах и недостатках двух, казалось бы, равнозначных подходов. Таким образом, сопоставляются два аспекта: с одной стороны, собственно диахронический, с другой — методологический.

II. Определение степени метафоричности дискурса. Основная задача данного этапа — установление корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Для этого производится 1) установление степени метафоричности политического дискурса для каждого изучаемого периода и 2) классификация соответствующего периода как периода «метафорической бури» или «метафорического затишья».

«Метафорические бури» обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений (и даже знаменуют собой будущие политические преобразования), а «метафорическое затишье» обычно характерно для периодов политической стабильности.

«Метафорические бури» характеризуются не столько появлением новых метафорических моделей, сколько активизацией уже существующих, т. е. вовлечением все новых и новых концептов, детальным разворачиванием метафорических моделей, созданием ярких и свежих метафорических образов. Метафоры в такие периоды часто становятся предметом обсуждения политиков и широкой общественности, используются в качестве аргументов в полемике.

«Метафорическое затишье» характеризуется традиционностью используемых метафор, которые становятся привычными, «стертыми», вызывают меньше эмоций. Это ведет к сокращению частотности использования соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор.

Метафорическое «затишье» обычно начинается в коммуникации правящей партии, а метафорические «бури» — в выступлениях

радикальной непарламентской оппозиции. Переход от «метафорической бури» к «метафорическому затишью» — это продолжительный процесс: невозможно мгновенное изменение политико-метафорической «погоды».

Метафорическое «затишье» редко бывает полным «штилем»: развитие общества предопределяет появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор найдут широкий отклик (вызовут метафорическую бурю) и когда это произойдет.

III. Выявление исходных понятийных сфер (источников метафорической экспансии), характерных для каждого периода политической коммуникации, и установление по данному критерию набора метафорических моделей.

На данном этапе для каждого изучаемого периода производится 1) выявление всего арсенала используемых метафорических моделей и 2) определение доминирующих метафорических моделей.

В лингвистической традиции используется несколько параметров классификации метафорических моделей (подробнее см.: [Чудинов 2013: 32—47]). При диахроническом анализе материала, на наш взгляд, наиболее продуктивна именно классификация моделей по сфере-источнику, поскольку выбор исходной сферы метафорической экспансии в каждом периоде сопряжен с политической ситуацией эпохи, с особенностями национального мировидения в данный период. Соответственно, увеличение или сокращение числа метафорических моделей, восходящих к определенной сфере-источнику, большая их структурированность или, напротив, упрощение их структуры позволяют определить доминантные для изучаемого периода модели.

Доминантной следует считать модель, «потенциал развертывания и частотность использования которой на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются, что, конечно, привлекает внимание как специалистов, так и просто внимательных людей» [Чудинов 2001: 178]. Подобные модели максимально отражают специфику соответствующего исторического этапа.

IV. Анализ структуры метафорических моделей. Названный этап предполагает 1) описание фреймово-слотовой структуры выявленных моделей и 2) определение степени архетипичности/вариативности ее компонентов.

Метафорическая модель включает в свою структуру фреймы, т. е. ментальные структуры знаний о стереотипных ситуациях, репрезентированные в упорядоченных группи-

ровках лексических единиц. Использование термина «фрейм» при метафорическом моделировании дает возможность подчеркнуть наличие сложного состава ассоциативных связей, а также укрупненно представить типы связей между единицами метальной сферы и их языковым воплощением. Фрейм «объединяет элементы на основе смежности, подобия, родо-видовых отношений, отношений части/целого, являясь нелинейно организованной структурой» [Резанова 2010: 38]. Слоты представляют собой части фреймов, какой-то аспект его конкретизации. То есть слот в представлении знаний — это составляющая фрейма, характеризующая некоторое его свойство или связь описываемого фреймом понятия или объекта [Жеребило 2010].

V. Анализ языковых репрезентантов метафорической модели. На данной стадии происходит 1) выявление языковых репрезентантов метафорических моделей в каждый период и 2) определение базовых языковых элементов, продуктивных во все периоды, и элементов специфических (постепенно уходящих на периферию и, наоборот, постепенно входящих в ядерную часть).

Лексика является наиболее динамичной и чувствительной к внешним воздействиям частью языка. Изменения в лексическом составе происходят под влиянием экстралингвистических факторов и затрагивают «в первую очередь те слои лексики, которые в данный исторический момент соотносятся с наиболее актуальными для общества реальными явлениями» [Шмелев 1964]. Изменение (как увеличение, так и сокращение) количества лексических единиц, задействованных в процессе метафоризации в рамках отдельного фрейма или слота, является важным показателем его продуктивности в изучаемый период.

VI. Лингвокультурологическая и лингвокогнитивная интерпретация полученных результатов. Заключительный этап анализа представляет собой установление взаимосвязи происходящих изменений с политической ситуацией в стране, национально-культурной спецификой, индивидуально-авторской спецификой, определение когнитивных механизмов, задействованных в соответствующую эпоху для осмысления и описания политических процессов.

Использование указанных процедур позволит выполнить комплексное диахроническое описание метафорических моделей в политической коммуникации, даст возможность установить базовые метафорические модели, существовавшие на протяжении всего изучаемого периода, проследить их

динамику, определить дискурсивную и лингвокультурологическую обусловленность, а также отчасти установить основные особенности национального мировидения.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что изучение динамики метафорических моделей в политической коммуникации продолжает оставаться областью, требующей исследовательского внимания, в том числе с точки зрения методологии и методики исследования. Комплексное рассмотрение эволюции метафорических моделей (в политическом дискурсе, в рамках определенных жанров, в речи отдельных политиков и др.) станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей национального миромоделирования на разных исторических этапах его развития.

В настоящее время теория и методология диахронической метафорологии стремительно развивается: уточняется ее понятийно-терминологический аппарат, предлагаются новые варианты методики исследования динамики исторических изменений, сопоставляются различные аспекты изучения исторической динамики метафор, обнаруживаются новые закономерности развития метафорических систем, в том числе выделяются доминантные для того или иного дискурса модели, отмечаются факты смыслового развития соответствующей метафорики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015а. — № 3 (44). — С. 26—32.
2. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015б. — № 1. — С. 5—11.
3. Балашова Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI—XX вв. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. — 217 с.
4. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. — М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. — 632 с.
5. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003. С. 134—140.
6. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. — 193 с.
7. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М. : Помовский и партнеры, 1994. — 351 с.
8. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9—23.
9. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : моногр. — Н. Тагил : НГТСПА, 2011. 330 с.
10. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Наука : Флинта, 2008. 248 с.
11. Быкова Т. Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1930—

- 1954 гг. // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 114—119.
12. Быкова Т. Ю. Подготовка к войне или великая стройка? Метафорический образ Советского Союза в довоенный период (1930—1939 гг.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 69—74.
13. Быкова Т. Ю. Метафорический образ СССР в советском и американском медийных политических дискурсах 1930—1954 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2014. 23 с.
14. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. — Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
15. Иванова И. В. Концептуальная метафора как средство формирования образа политического деятеля в англоязычной прессе : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004. 215 с.
16. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — Екатеринбург, 2003. 208 с.
17. Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI—XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2014. 46 с.
18. Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование внутреннего мира как способ создания образа политического противника (образ Ивана Грозного в интерпретации Андрея Курбского) // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 220—226.
19. Кондратьева О. Н. Роль компьютерной метафоры в презентации политической жизни Украины // Политическая коммуникация : сб. мат-лов междунар. науч. конф. — Екатеринбург : УрГПУ, 2013. С. 160—164.
20. Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 40—54.
21. Керимов Р. Д. Когнитивные основания военной метафоры в немецком политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 57—66.
22. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации. — Кемерово : Офсет, 2012. 456 с.
23. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 3—15.
24. Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. 151 с.
25. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
26. Мусолфф А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Mein Kampf» // Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2006. С. 151—171.
27. Нахимова Е. А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 43—61.
28. Нахимова Е. А. Историческая динамика прецедентных онимов: окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 144—147.
29. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.
30. Никифорова М. В., Чудинов А. П. Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свой — чужой» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 154—163.
31. Пшенкин А. А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX — начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Барнаул, 2006. 194 с.
32. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2010. № 1 (9). С. 26—43.
33. Солопова О. А. Сценарный метод исследования когнитивно-дискурсивных моделей будущего в политическом

тексте // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. «Филология». 2011. № 4. Т. 7. С. 167—177.

34. Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе : моногр. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013. 175 с.

35. Солопова О. А. Россия в Европе: будущее в метафорическом зеркале прошлого // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 126—137.

36. Цыцулина С. Г. Политический деятель сквозь призму агональной метафоры // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 119—123.

37. Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000—2004 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005. 225 с.

38. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

39. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.

40. Шмелев Д. Н. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М. : Наука, 1964. С. 6—8.

41. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Nakhimova Ye. A., Tchudinov A. P. Research of metaphor in the Ural linguistic school // Life Science Journal. 2014. № 11 (12). P. 315—319.

42. Budaev E., Chudinov A. Why Cultural Metaphor Matters: Images of Power in National Media // Nauka i Studia. — Przemysl, 2007. № 4 (4). S. 71—80.

43. Budaev E. Political Metaphors and Cultural Frames: An Example of the US and Russia // Language, Gender and Politics: A Festschrift for Yisa Kehinde Yusuf / ed. by A. Odeunmi, A. E. Arua, S. Arimi. — Lagos : CBAC, 2009. P. 265—274.

44. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2005. 239 p.

45. Chilton P. A. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. — New York ; Bern ; Frankfurt/M. : Peter Lang, 1996. — 468 p.

46. Chilton P. Manipulation, memes and metaphors: The case of Mein Kampf // Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century / ed. by L. de Saussure P. Schulz. — Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 2005. — P. 5—45.

47. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.

48. De Landtsheer Ch., De Vrij I. Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis // Metaphorical World Politics / ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 2004. P. 163—189.

49. Harvey A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // Contemporary Review. 1999. Vol. 275 (1603). P. 85—93.

50. Hawkins B. Ideology, metaphor and iconographic reference // Language and Ideology / ed. by R. Dirven, R. Frank, C. Ilie. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2001. Vol. 2 : Descriptive Cognitive Approaches. P. 27—50.

51. Koteyko N. Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. 208 p.

52. Lakoff G. Metaphor and War, Again. 2003. URL: <http://www.alternet.org/story.html?StoryID=15414>.

53. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.

54. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.

55. Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 1996. P. 217—238.

56. Musolff A. From Social to Biological Parasites and Back. The Conceptual Career of a Metaphor // Contributions to the History of Concepts. 2014. Vol. 9 (2). P. 18—32.

57. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. 211 p.

58. Musolff A. Which role do metaphors play in racial prejudice? The function of anti-Semitic imagery in Hitler's 'Mein Kampf' // Patterns of Prejudice. 2007. Vol. 41 (1). P. 21—44.

59. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. P. 115—126.

60. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. P. 347—363.

61. Rash F. Metaphor in Adolf Hitler's Mein Kampf // Metaphorik.de. 2005. № 9. P. 74—110.

62. Rash F. The Language of Violence. Adolf Hitler's Mein Kampf. — New York : Peter Lang, 2006. 263 p.

63. Vertessen D., De Landtsheer Ch. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. P. 271—285.

E. V. Budaev
Ekaterinburg, Russia
O. N. Kondratyeva
Kemerovo, Russia
E. A. Nakhimova
A. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia

METHODS OF DIACHRONIC ANALYSIS OF POLITICAL METAPHORS

ABSTRACT. This is an overview of the methodology and methods of diachronic analysis of political metaphors. The paper discusses the leading scientific schools and areas of historical metaphorology in Russian political linguistics and their interaction with the foreign experience of political metaphor research. The paper provides an analysis of different opinions of the correlation of stability and innovations in political metaphors, of the periods of "metaphoric storm" and "metaphoric calm" in political communication. The articles, studying metaphors diachronically, may be divided into several groups according to the their object: 1) articles studying political discourse of a certain country during its existence or at a certain period of its history; 2) articles focused on a fragment of political reality (image, event, person) and its representation at different periods; 3) articles studying metaphoric model and its functioning in political communication at different stages; 4) articles devoted to the analysis of politician's idiosyncrasy and evolution of the scope of political metaphors. An attempt is made to single out different methods of diachronic study of political metaphor paying attention to the peculiarities of the approaches employed by the authors: cognitive-discursive, rhetoric, semiotic, psycholinguistic, linguocultural and others. In conclusion it is noted that multi-aspect analysis of the evolution of metaphorical models (in political discourse, in certain genres, in the speech of some politicians etc.) is an important step in the development of diachronic metaphorology and it will help to reveal the peculiarities of the national world-modeling at different stages of its development.

KEYWORDS: political metaphor; diachronic research; metaphoric model; evolution of metaphors; political metaphorology; political discourse; metaphoric modeling.

ABOUT THE AUTHORS: Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department, Russian State Vocational Pedagogical University; Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University Ekaterinburg, Russia.

Kondratyeva Olga Nikolayevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Istoricheskaya dinamika metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii Rossii // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2015a. — № 3 (44). — S. 26—32.
2. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — 2015b. — № 1. — S. 5—11.
3. Balashova L. V. Metafora v diakhronii: na materiale russkogo yazyka XI—XX vv. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1998. — 217 s.
4. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI—XXI vv. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi : Znak, 2014. — 632 s.
5. Baranov A. N. Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. — M., 2003. S. 134—140.
6. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovari. — M. : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991. — 193 s.
7. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — M. : Pomovskiy i partnery, 1994. — 351 s.
8. Budaev E. V. Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 9—23.
9. Budaev E. V. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya : monogr. — N. Tagil : NGTSPA, 2011. 330 s.
10. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. — M. : Nauka : Flinta, 2008. 248 s.
11. Bykova T. Yu. Ottsy i deti velikoy strany: metafora rodstva v sovetskom politicheskom mediadiskurse 1930—1954 gg. // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2. S. 114—119.
12. Bykova T. Yu. Podgotovka k voyne ili velikaya stroyka? Metaforicheskij obraz Sovetskogo Soyuz v dovoenny period (1930—1939 gg.) // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3. S. 69—74.
13. Bykova T. Yu. Metaforicheskij obraz SSSR v sovetskom i amerikanskom mediynnykh politicheskikh diskursakh 1930—1954 gg. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2014. 23 s.
14. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. — Nizhny Novgorod : Pilgrim, 2010. 486 s.
15. Ivanova I. V. Kontseptual'naya metafora kak sredstvo formirovaniya obraza politicheskogo deyatelya v angloyazychnoy presse : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2004. 215 s.
16. Kaslova A. A. Metaforicheskoe modelirovanie prezident-skikh vyborov v Rossii i SShA (2000 g.) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. — Ekaterinburg, 2003. 208 s.
17. Kondrat'eva O. N. Dinamika metaforicheskikh modeley v russkoy lingvokul'ture (XI—XX vv.) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2014. 46 s.
18. Kondrat'eva O. N. Metaforicheskoe modelirovanie vnutren-nego mira kak sposob sozdaniya obraza politicheskogo protivnika (obraz Ivana Groznogo v interpretatsii Andrey Kurbskogo) // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3. S. 220—226.
19. Kondrat'eva O. N. Rol' komp'yuternoy metafory v re-prezentatsii politicheskoy zhizni Ukrainy // Politicheskaya kom-munikatsiya : sb. mat-lov mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterin-burg : UrGPU, 2013. S. 160—164.
20. Kondrat'eva O. N., Kovaleva K. A. Dinamika metaforiche-skikh modeley v politicheskoy kommunikatsii (na primere vystupleniy Yu. Timoshenko) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 40—54.
21. Kerimov R. D. Kognitivnye osnovaniya militaroy metafory v nemetskom politicheskom diskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. № 3. S. 57—66.
22. Kerimov R. D. Metaforicheskij antropomorfizm v nemet-skoy sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii. — Kemerovo : Ofset, 2012. 456 s.
23. Kubryakova E. S. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitiviz-ma: lingvistika — psikhologiya — kognitivnaya nauka // Voprosy yazykoznaniiya. 1994. № 4. S. 3—15.
24. Lapshina V. V. Metafora kak sredstvo konstruirovaniya im-idzha politika : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2006. 151 s.
25. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem : per. s angl. / pod. red. i s predisl. A. N. Baranova. — M. : Editori-al URSS, 2004. 256 s.
26. Musolff A. Politicheskaya «terapiya» posredstvom geno-tsida: antisemitskie kontseptual'nye obrazy v knige Gitlera «Mein Kampf» // Sovremennaya politicheskaya lingvistika / E. V. Bu-daev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : UrGPU, 2006. S. 151—171.
27. Nakhimova E. A. Pretsedentnoe imya Napoleon v oteches-tvennykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 3 (23). S. 43—61.
28. Nakhimova E. A. Istoricheskaya dinamika pretsedentnykh onimov: okkazionalizmy, neologizmy, arkhazimy i istorizmy // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 1. S. 144—147.
29. Nakhimova E. A. Pretsedentnye onimy v sovremennoy ros-siyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2011. 276 s.
30. Nikiforova M. V., Chudinov A. P. Varianty i sredstva re-prezentatsii kontseptual'noy oppozitsii «svoi — chuzhie» v dis-kurse mera Ekaterinburga Evgeniya Royzman // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. S. 154—163.
31. Pshenkin A. A. Metaforicheskij obraz SSSR/Rossii v amerikanskom politicheskom diskurse vtoroy poloviny XX — nachala XXI vekov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — Bar-naul, 2006. 194 s.
32. Rezanova Z. I. Metaforicheskij fragment russkoy yazy-kovoy kartiny mira: idei, metody, resheniya // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Ser. «Filologiya». 2010. № 1 (9). S. 26—43.
33. Solopova O. A. Stsenarnyy metod issledovaniya kognitivno-diskursivnykh modeley budushchego v politicheskom tekste // Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. Ser. «Filologiya». 2011. № 4. T. 7. S. 167—177.
34. Solopova O. A. Kognitivno-diskursivnaya retrospektiya: issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse : monogr. — Chelyabinsk : Izd. tsentr YuUrGU, 2013. 175 s.
35. Solopova O. A. Rossiya v Evrope: budushchee v metafori-cheskom zerkale proshlogo // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2014. № 3. S. 126—137.
36. Tsytulina S. G. Politicheskij deyatel' skvoz' prizmu ago-nal'noy metafory // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 3. S. 119—123.
37. Chudakova N. M. Kontseptual'naya oblast' «Nezhivaya pri-roda» kak istochnik metaforicheskoy ekspansii v diskurse ros-siyskikh sredstv massovoy informatsii (2000—2004 gg.) : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2005. 225 s.
38. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kogni-tivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
39. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
40. Shmelev D. N. O semanticheskikh izmeneniyakh v sovre-mennom russkom yazyke // Razvitie grammatiki i leksiki sovre-menного russkogo yazyka. — M. : Nauka, 1964. S. 6—8.
41. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Nakhimova Ye. A.,

- Tchudinov A. P. Research of metaphor in the Ural linguistic school // *Life Science Journal*. 2014. № 11 (12). P. 315—319.
42. Budaev E., Chudinov A. Why Cultural Metaphor Matters: Images of Power in National Media // *Nauka i Studia*. — Przemysl, 2007. № 4 (4). S. 71—80.
43. Budaev E. Political Metaphors and Cultural Frames: An Example of the US and Russia // *Language, Gender and Politics: A Festschrift for Yisa Kehinde Yusuf* / ed. by A. Odebunmi, A. E. Arua, S. Arimi. — Lagos : CBAC, 2009. P. 265—274.
44. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2005. 239 p.
45. Chilton P. A. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. — New York ; Bern ; Frankfurt/M. : Peter Lang, 1996. — 468 p.
46. Chilton P. Manipulation, memes and metaphors: The case of *Mein Kampf* // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century* / ed. by L. de Saussure P. Schulz. — Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 2005. — P. 5—45.
47. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.
48. De Landtsheer Ch., De Vrij I. Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis // *Metaphorical World Politics* / ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 2004. P. 163—189.
49. Harvey A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // *Contemporary Review*. 1999. Vol. 275 (1603). P. 85—93.
50. Hawkins B. Ideology, metaphor and iconographic reference // *Language and Ideology* / ed. by R. Dirven, R. Frank, C. Ilie. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2001. Vol. 2 : Descriptive Cognitive Approaches. P. 27—50.
51. Kotevko N. Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. 208 p.
52. Lakoff G. Metaphor and War, Again. 2003. URL: <http://www.alternet.org/story.html?StoryID=15414>.
53. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.
54. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.
55. Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // *Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation*. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 1996. P. 217—238.
56. Musolff A. From Social to Biological Parasites and Back. The Conceptual Career of a Metaphor // *Contributions to the History of Concepts*. 2014. Vol. 9 (2). P. 18—32.
57. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2004. 211 p.
58. Musolff A. Which role do metaphors play in racial prejudice? The function of anti-Semitic imagery in Hitler's 'Mein Kampf' // *Patterns of Prejudice*. 2007. Vol. 41 (1). P. 21—44.
59. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53. P. 115—126.
60. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // *Quarterly Journal of Speech*. 1977. Vol. 63. P. 347—363.
61. Rash F. Metaphor in Adolf Hitler's *Mein Kampf* // *Metaphorik.de*. 2005. № 9. P. 74—110.
62. Rash F. The Language of Violence. Adolf Hitler's *Mein Kampf*. — New York : Peter Lang, 2006. 263 p.
63. Vertessen D., De Landtsheer Ch. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // *Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World* / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. P. 271—285.

Статью рекомендует к публикации PhD, профессор Л. Цонева.